

ИРАКСКИЙ КРИЗИС В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ПРЕДЫСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Выступление на презентации русского издания
Ежегодника СИПРИ 2003
(ИМЭМО РАН, 20 апреля 2004 г.)**

Алексей Арбатов,
Директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН,
член научного совета Московского центра Карнеги,
заместитель Председателя РДП "ЯБЛОКО",
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук

Кризис вокруг Ирака стал не только важнейшим международным событием 2002-2004 гг., но влияет и будет влиять на региональную и глобальную политику в длительной перспективе, включая взаимоотношения ведущих держав, перспективы мирового правопорядка и роль ООН, нераспространение средств массового поражения и подавление международного терроризма.

Общеизвестно, что в Ираке правила одна из самых жестоких, репрессивных и опасных диктатур нашего времени. Она зиждилась на физическом уничтожении любой политической оппозиции, подавлении национальных меньшинств и религиозного инакомыслия внутри страны. Багдад неоднократно совершал вооруженную агрессию против соседних мусульманских стран, применял внутри и вовне химическое оружие, имел широкие программы разработки средств массового уничтожения. Ирак поддерживал палестинских террористов, систематически нарушал санкции ООН и препятствовал деятельности международных инспекций в 90-е годы. Согласившись осенью 2002 г. на возобновление инспекций ООН под угрозой военной акции США, режим не оказывал должного содействия международному контролю (как это предполагала резолюция СБ ООН № 1441) и превратил инспекции в предмет политического торга и спекуляций.

Все так, но в связи с этим вставал сакраментальный вопрос: что делать с этим режимом цивилизованному мировому сообществу? Уничтожить его, потому что он «плохой» в принципе, или отложить в сторону оценку его сущности и сосредоточиться вместо этого на пресечении конкретно проистекающих от него угроз: попыток приобрести ОМУ, связей с террористами и склонности к агрессии против соседей? Все названные конкретные угрозы нужно было подтвердить убедительными доказательствами, независимо от негативного общего отношения к режиму, и в соответствии с ними принимать к Ираку меры на основе Устава ООН.

Если избрать первое, то по каким положениям международного права следовало бы покарать Ирак? В прошлом для этого были весомые причины – Багдад подвергал систематическому геноциду курдское меньшинство в 60-80-е годы (погибло более 100 тыс. человек). Но тогда великим державам и, следовательно, Совету Безопасности ООН было не до таких «мелочей». Сначала СССР крепил связи с Ираком и заваливал его военными поставками, а потом сами США поддерживали и вооружали того же самого

«нехорошего» Хусейна в его вероломной агрессии против Ирана. Но Иран в 80-е годы стал главным региональным врагом США, и потому на преступления багдадского режима вполне прагматично, если не сказать цинично, в Вашингтоне и других западных столицах предпочитали закрывать глаза.

После поражения Ирака в войне 1990-1991 гг. и согласно санкциям Совбеза ООН (прежде всего, введения в иракском воздушном пространстве зон, запрещенных для полетов его авиации) курды на севере страны стали фактически независимы и защищены от Багдада. На подавление же шиитской оппозиции на юге и после 1991 г. смотрели сквозь пальцы, учитывая связь иракских шиитов с Ираном.

В этой связи возникает и более общий вопрос: а вообще говоря, кто и по каким критериям уполномочен выносить приговор «плохим» режимам и приводить его в исполнение? Кроме Ирака в Азии, Африке и Латинской Америке найдется немало кандидатов на такой приговор. Значит ли это, что надо объявить крестовый поход и свергать их всех силой извне? А что потом - насаждать там демократию и благоденствие? Интересно было бы посмотреть, как это получится, скажем, в Заире, Судане, Саудовской Аравии, Пакистане, Мьянме... На тот момент мировому сообществу с одним Афганистаном хватало проблем. К тому же выбор «изгоев» со стороны США, России, Западной Европы, Китая, Индии мог очень различаться и сам по себе повлечет крупные международные коллизии. В любом случае, не было никаких оснований в решении таких глобальных проблем всем следовать за зигзагами симпатий и антипатий Вашингтона – такого рода новая всеобъемлющая стратегия требовала серьезных преобразований международного права и механизмов его реализации.

Если же руководствоваться вторым соображением, то есть наказывать Ирак не вообще, а за конкретные действия, то здесь была прочная правовая база в виде резолюций СБ ООН. Но в соответствии с ней в конце 2002 и начале 2003 гг. военная акция против Ирана никак не была оправдана. Инспекции ООН к тому моменту не обнаружили убедительных свидетельств иракских нарушений резолюций ООН, связанных с ОМУ. Отсутствие конкретного «состава преступления» никак не могло трактоваться как доказательство сокрытия Ираком соответствующей деятельности, дававшее основание для применения против него силы: не пойман – не вор. Раз фактов иракских нарушений недостаточно, то, учитывая криминальную историю режима, из этого следовал только один правильный вывод: продолжение и расширение инспекционной деятельности без права отказа для Хусейна. Даже обнаружение запрещенных средств или материалов должно было бы повлечь уничтожение соответствующих объектов под международным контролем, ужесточение режима санкций, но не обязательно применение военной силы.

Основанием для применения силы и смены режима Хусейна извне мог быть только саботаж с его стороны деятельности инспекций, враждебные акции по отношению к ним, нападение на соседние страны или расположенные в регионе иностранные вооруженные силы. При этом военная акция против Ирака тоже должна была быть санкционирована отдельной резолюцией Совбеза ООН. Возможно, такой путь был бы политически более длительным и сложным, чем односторонняя военная акция. Но в политике очень часто путь, который кажется проще и быстрее, не обязательно является правильным – и в долгосрочном плане оказывается долгим, тяжелым, а подчас даже тупиковым или проигрышным. Предназначение правовых процедур, в данном случае международных, как раз в том и состоит, чтобы исключить произвол, просчет или злоупотребления какой-либо державы, разрушающие мировой правопорядок и коллективные действия государств ради решения общих проблем.

Да к тому же, никаких резонов для спешки с решением иракской проблемы после возобновления инспекций ООН вообще не было, если не считать таковыми внутривластные обязательства администрации Буша и нагнетание военной истерии внутри США на волне шоковых настроений после трагедии 11 сентября 2001 г.

Линия Вашингтона на скорейшие силовые действия против Багдада, не дожидаясь убедительных доказательств иракских нарушений, выводила меры против режима Хусейна из международно-правового поля в зону силового произвола, подрывала авторитет ООН и именно потому раскалывала антитеррористическую коалицию.

Судя по всему, и это подтвердили последующие события, нераспространение и борьба с терроризмом были для США не единственной заботой в иракском вопросе. Помимо внутривластных обязательств и общих глобальных амбиций, главная цель Вашингтона, видимо, состояла в том, чтобы создать проамериканский режим в Ираке как новую опору влияния США в регионе, и в частности, как крупный региональный военно-политический противовес Ирану. Последний оставался и пока остается непреодолимым препятствием для установления в регионе гегемонии Соединенных Штатов. Иран год от года усиливается, и даже сильный американский прессинг не смог прекратить контракты Тегерана с Москвой по поставкам вооружений и ядерной энергетике.

Также, безусловно, в Вашингтоне рассчитывали на снижение мировых цен на нефть после смены багдадского режима и открытия иракского «нефтяного вентилia». Еще США надеялись на ослабление ОПЕК и уменьшение своей топливной зависимости от Саудовской Аравии, нестабильной в политическом отношении и запятнанной связями с международным терроризмом.

Некоторыми кругами в администрации и близких к ней интеллектуальных центрах, как стало известно, вынашивались и более далеко идущие планы: сменить нелояльные США или неустойчивые режимы (Сирия, Саудовская Аравия, Египет и, конечно, Иран) и заменить их на дружественные и более стабильные, как это произошло в Центральной и Восточной Европе. Тем самым, этот регион, - важнейший в экономическом и геостратегическом отношении, опасный в плане исламского радикализма, международного терроризма и распространения ОМУ, - из источника угроз и уязвимости США превратился бы в новый плацдарм и ресурсный запас их мирового влияния как единственной глобальной сверхдержавы.

Россия по этому вопросу вела весьма искусную многостороннюю дипломатию, но за умелой тактикой не очень была видна стратегия и приоритет целей. Похоже, что Россия пыталась одновременно сохранить хорошие отношения с США, Францией и Германией, Багдадом, а вдобавок еще и с виртуальным будущим руководством Ирака, которое могло сменить нынешнее. Но развитие ситуации все более ставило вопрос ребром и делало разные интересы Москвы все менее совместимыми: например, партнерство с США и недопущение военного удара по Ираку; особые отношения с Вашингтоном и координация политики с Парижем и Берлином; поддержание связей с Хусейном и обеспечение своих интересов после вероятной смены режима; приверженность конечной цели снятия с Ирака санкций ООН и поддержание высоких мировых цен на нефть.

Конечно, политическое урегулирование кризиса вместо войны, укрепление ООН и мирового правопорядка, нераспространение ОМУ и сплочение антитеррористической коалиции – все эти официально провозглашавшиеся цели были весьма благородны. Наряду с ними были у России и более прагматические интересы: возврат багдадского долга (7 млрд. долл.), влияние потенциального возобновления его экспорта на мировые

цены на нефть, разработка обещанного Хусейном «Лукойлу» и другим фирмам месторождения Западная Курна. Но как они соотносились с конкретной ситуацией в Персидском Заливе и в Совете Безопасности в Нью-Йорке?

США и Великобритания внесли в Совбез ООН проект новой резолюции, дававший им карт-бланш на военную операцию на основе имевшихся недостаточных доказательств иракских нарушений. Понятно, что голосовать «за» Россия не могла. Голосовать «против», то есть ветоировать резолюцию вместе с Францией и КНР (два других постоянных члена СБ ООН с правом вето) – означало бы бросить прямой вызов США и возродить конфронтацию с ними. После этого, несомненно, все равно была бы предпринята односторонняя военная акция против Ирака, которой РФ не могла бы помешать ни политическим, ни, тем более, военным путем.

Одностороннее начало военной операции Соединенными Штатами и их сторонниками без дополнительной резолюции СБ ООН было для России, в известном смысле, более легким выходом – не нужно было решать дилемму голосования. Официально Москва могла осудить военную акцию США (как было с их выходом из Договора по ПРО и расширением НАТО), но в практическом плане непосредственные издержки РФ были бы меньше. Можно было ожидать, что если война окажется скоротечной, то Вашингтон будет заинтересован в содействии Москвы в послевоенном урегулировании и восстановлении. Если бы операция «увязла» и ситуация вокруг Ирака вышла из-под контроля, США тем более стали бы искать помощи России и были бы готовы «заплатить» в других вопросах взаимоотношений.

Хотя на сей счет, по понятным причинам, нет фактических свидетельств, можно по логике предположить, что такого рода негласная договоренность была предметом интенсивного дипломатического обмена Москвы и Вашингтона. Кроме того, подсчет расклада голосов в Совете Безопасности ООН с учетом непостоянных членов показывал, что даже без вето кого-либо из постоянных членов (т.е. если РФ, КНР и Франция воздержались бы), новая резолюция не проходила. В итоге США и Великобритания отозвали свой проект.

Однако, и начало войны без санкции СБ было далеко не лучшим выходом. Было ясно, что такая акция нанесет удар по авторитету ООН, вызовет раскол антитеррористической коалиции и другие пагубные международные последствия войны, а также повлечет взрыв антиамериканизма внутри России. Цепная реакция эскалации кризиса вглубь и вширь в конце концов угрожала столкнуть лбами Москву и Вашингтон (тем более, что их политические элиты за спинами дружески общающихся президентов накопили большой заряд взаимного недоверия и раздражения).

Особо следует сказать об экономических интересах России в Ираке. Уже тогда должно было быть ясно, что при любом раскладе перспективы были не блестящи. В случае смены режима иракская нефть пошла бы на экспорт и российский бюджет потерял бы свой главный источник профицита. Далее, общая внешняя иракская задолженность – 62 млрд. долл. и новый режим не стал бы спешить именно с российской частью долга. Запад мог бы списать такую сумму с российского долга за политическую поддержку по Ираку, но США – не главный кредитор, а ФРГ и другие основные кредиторы не желают терять деньги в оплату сомнительных американских мероприятий. В любом случае, потери России от снижения цен на нефть будут гораздо больше, чем возврат долга. Что касается месторождения, то его передача российским компаниям Хусейном явно имела политическую, а не экономическую мотивацию – потому сделка и была разорвана в конце 2002 г. Не было никакой уверенности, что другой багдадский лидер предпочтет российские фирмы их западным соперникам.

Как же было России действовать в такой ситуации, когда по известной пословице «куда ни кинь – везде клин»? Представляется, что имелось более выигрышное решение. Оно могло бы состоять в том, чтобы Москве, вместо дальнейшего дипломатического маневрирования между США, Западной Европой и Ираком, взять на себя инициативу (и ответственность) по принципиально новому подходу к решению проблемы.

А именно, специальная резолюция Совбеза ООН должна была бы санкционировать расширение инспекций в Ираке и перевод их на долговременную основу с применением всех доступных технических средств. Для обеспечения деятельности инспекторов (в том числе их безопасности от актов терроризма) в Ираке нужно было разместить соответствующий международный военный контингент (эта идея в общей форме в один момент выдвигалась Францией и ФРГ). Как гарантия сговорчивости Хусейна, в зоне Персидского залива на долгосрочной основе нужно было развернуть международную группировку сил и средств. Стоимость ее поддержания в любом случае была бы на порядок меньше финансовых затрат на войну. Во всех этих операциях России следовало принять посильное участие.

Кроме того, иракская армия должна была быть резко сокращена, ограничена по составу и вооружению и поставлена под международный контроль, как и деятельность тайной полиции. То же относится к иракской промышленности, которая может иметь отношение к производству ОМУ и его носителей. Кроме того, были все основания начать международное расследование актов геноцида в отношении курдского населения, а также военных преступлений режима в отношении Ирана, Кувейта и Израиля. Любая попытка Багдада воспрепятствовать указанным мерам под эгидой ООН была бы расценена как основание для насильственной смены режима.

При таких условиях даже после снятия санкций Ирак более не представлял бы угрозы. Хусейн не стал бы «героем» и «мучеником» в глазах всех мусульман мира. Скорее всего он так или иначе ушел бы или был отстранен от власти, а России было бы гораздо легче установить отношения с его преемниками.

Легко предвидеть множество возражений против такой инициативы. Но в то же время ясно, что если что-то и могло предотвратить войну со всеми ее последствиями – то только радикальные новации подобного рода. Они в наибольшей степени соответствовали бы региональным и глобальным политическим интересам России. Они стали бы серьезным предупреждением другим государствам, стремящимся к приобретению ОМУ, помогающим терроризму и совершающим преступления против человечества.

На такой базе возможно было сплочение антитеррористической коалиции, включая умеренные мусульманские государства, упрочение международно-правовой и институциональной базы борьбы с терроризмом, активизация политического, военного и разведывательного сотрудничества стран в этой области. Это способствовало бы укреплению режима нераспространения ОМУ, недопущению доступа террористов к такому оружию.

Соединенным Штатам было бы трудно возражать против такого курса, тем более если бы его поддержали Россия, большинство стран Западной Европы и членов СБ ООН. Это тем более так, поскольку данная линия все равно вела к устранению режима Хусейна, но без войны, осложнения отношений США с РФ и союзниками, без обострения внутривнутриполитических противоречий в США и Европе, без необходимости для Вашингтона принимать на себя все последствия вооруженного конфликта и послевоенного урегулирования.

Что касается экономических интересов России в данном контексте, то привязывать к ним линию Москвы по Ираку, как делали некоторые российские политики и суперлиберального и неофашистского толка, - было насколько неумно, настолько и бесперспективно для поисков выхода из положения. Вообще, не стоит России рассчитывать на иракскую нефть, надо увеличивать инвестиции в свои месторождения за счет собственных и зарубежных источников. А в более долгосрочном плане пора от слов перейти к делу и реально начать избавлять российский бюджет от наркотической зависимости от сырьевого экспорта, деформирующего ее экономику и внешнюю политику.

К сожалению, такой инициативы со стороны Москвы не последовало, хотя это рекомендовали некоторые известные эксперты и политики (в частности, на встрече фракции «ЯБЛОКО» в Государственной Думе с министром иностранных дел РФ в феврале 2003 г.). Сказались отсутствие ясных приоритетов в практике, в отличие от риторики, российского внешнеполитического курса, робость и инерционность дипломатии, раскоординированность ведомств исполнительной власти и давление нефтяных лоббистов, противоречивые эмоции в парламенте (где большинство симпатизировало Хусейну из идеологических или меркантильных соображений).

В ночь с 19-го на 20-е марта 2003 г. началась война США и их немногочисленных соратников в Ираке. Открылась новая страница международной политики.

Военная часть операции, как и предсказывали некоторые комментаторы, была проведена Соединенными Штатами и их союзниками на высочайшем уровне современного военного искусства и применения новейших вооружений и военной техники. Конечно, как бывает в любой войне, не обошлось без сюрпризов: Умм-Каср и Басра сопротивлялись до последнего, а Багдад, который Саддам Хусейн обещал превратить в новый Сталинград, сдался фактически без боя. Армия и ополчение не разбежались в первые дни, как думали американцы, а упорно сражались, как могли. А вот хваленая национальная гвардия, от которой ожидали отважных сражений, наоборот, как-то незаметно рассосалась, побросав вооружения и технику. Так обычно и бывает с привилегированными, «элитными» войсками, когда они встречаются с серьезным противником, а не проводят карательные акции против мирного населения или неорганизованных партизан.

Никогда прежде в своей истории США не начинали войну, имея столь сильные военные позиции и столь уязвимое политическое положение как внутри страны, так на международной арене. Никогда ранее США не имели такого высококлассного военного командования и при этом, за редкими исключениями, такого интеллектуально невыдающегося и идеологически зашоренного политического руководства. Но впечатляющая военная победа смогла заслонить и приукрасить очень плохую политику – во всяком случае пока...

После блестящего «праздника» американской военной мощи наступили мрачные послевоенные будни. Ирак охватили массовое мародерство и волна преступности, отсутствие элементарных гигиенических условий, водоснабжения и медицинского обслуживания. Но все это лишь «цветочки». На юге разворачивается под фундаменталистскими знаменами движение шиитов. На севере курды ждут национального самоопределения в качестве награды за поддержку США. Начались кровавые столкновения оккупационных войск и местного населения, которое в своей массе вовсе не приветствует американцев как освободителей, а наоборот требует их скорейшего ухода (дальновидные англичане сразу по завершении операции начали отвод своего контингента). В Ираке разворачивается партизанская борьба с широким

использованием террора, в том числе самых опасных и неотвратимых террористов-самоубийц шахидов. Их мишенями становятся не только военнослужащие, но и гражданские лица, объекты, персонал и помещения ООН.

Чем больше будет демократии в Ираке, тем сильнее станут позиции шиитов (60% населения) и тем больше региональное влияние Ирана (и его роль в ОПЕК) – к возмущению США и окружающих суннитских арабских государств. Тем больше будет активность и независимость курдов – к неудовольствию Турции. Чем меньше демократии в Ираке, тем острее внутренние конфликты в стране, тем жестче репрессии нового багдадского режима – но теперь уже под сенью американских штыков и на их ответственности. Идея демократизации Ирака на практике оказалась не столь радужной, как звучала в декларациях Белого дома.

Что и предсказывалось, процесс расползания оружия массового уничтожения (ОМУ) получил мощный импульс. Северная Корея, выйдя из Договора о нераспространении, официально объявила о наличии у нее ядерного оружия. Иран и ряд других стран, видимо, последуют этому примеру, чтобы защитить себя от силового произвола США и друг от друга. Стала распадаться миссия ООН в Афганистане, «Талибан» и «Аль-Каида» на волне исламского экстремизма и антиамериканизма восстанавливают свое влияние в сельской местности.

Как и ожидалось, международный терроризм начал новое глобальное наступление: в Саудовской Аравии, Марокко, Израиле, Испании, Франции, Чечне... Правда, прозападные режимы в исламских странах региона пока выдерживают напор фундаменталистов, но их будущее после войны стало не более, а менее определенным.

Ни крупных складов химического оружия, ни террористических лагерей оккупационные силы на территории Ирака не обнаружили. Таким образом, формальные причины военной операции рассыпаются, хотя в США под глас победных фанфар мало кто ставит проведенную акцию под сомнение. Тоже пока... Поспешность Вашингтона в требовании отменить санкции ООН, возобновить нефтеэкспорт и передача подрядов на восстановление нефтепромыслов американским компаниям - подтверждают подозрения по поводу иных мотивов силовой акции, нежели ОМУ, связь с террористами и бесчеловечность режима Хусейна. Рост нестабильности в Ираке и его окрестностях, увязание Вашингтона в иракских и региональных конфликтах могут вскоре основательно изменить оценку всей политики администрации Буша даже внутри США и среди верных союзников.

Если по сакраментальной формуле Клаузевица считать войну продолжением политики другими средствами, то Соединенные Штаты явили миру уникальный случай. Они мастерски выиграли войну, но проигрывают политику, средством которой была призвана послужить война в Ираке. Колоссальное военное превосходство породило у администрации невероятное высокомерие силы, пренебрежение дипломатией, информационной кампанией. Не уделялось внимания убедительному обоснованию своей позиции и поискам компромиссов в ООН, на переговорах с союзниками и партнерами по антитеррористической коалиции, не было тщательного продумывания пост-военного устройства Ирака и региона.

В итоге, победив армию и режим Хусейна и получив доступ к иракской нефти, США потеряли нечто гораздо более важное – морально-политическое лидерство в мире, симпатии и поддержку общественного мнения в Западной Европе и в России (не говоря

уже об исламских народах, Китае, Индии и других странах), которые США обрели после трагедии 11 сентября 2001 г. Расколото и единство американского общества.

Возможно, на взгляд прагматиков в России и за рубежом, это все эфемерные факторы, несопоставимые с осязаемой ценностью приумноженных американских активов в виде нефти (денег) и военной мощи. Но в долгосрочном плане именно такие нематериальные моменты определяют успех или провал политики и даже подъем или упадок великих держав. Не следует забывать, что многие империи (включая и Советскую) разваливались, когда перерождалась цементирующая их нематериальная идея – и тогда не помогали ни огромные арсеналы вооружений, ни гигантские запасы энергетических или иных ресурсов.

Американская акция в Ираке глубоко скомпрометировала идею общего фронта разных государств в борьбе с новой общей угрозой – международным терроризмом и его доступом к ОМУ. Эта коалиция сложилась после шока 11 сентября 2001 г. и блестяще проявила себя, проведя под руководством США, общими усилиями и на основе решений ООН операцию по ликвидации террористического гнездилища Талибана в Афганистане. Но то, как была проведена вслед за тем американская экспедиция в Ираке, основательно подорвало единство этой коалиции. Впредь любые действия против тех или иных стран под лозунгом борьбы с распространением ОМУ и терроризмом, исходя из иракского опыта, будут под серьезным подозрением мирового сообщества на предмет наличия иных, негласных и односторонних целей и интересов.

Победив военным путем относительно слабого противника, США растратили на это огромный морально-политический капитал. И теперь для Соединенных Штатов достичь единства и взаимодействия с Россией, Китаем, Индией и другими государствами по решению предстоящих проблем, связанных с Северной Кореей, Ираном, Пакистаном – будет несравненно сложнее. А ведь эти страны представляют собой много большую угрозу, чем Ирак, и в плане распространения ОМУ и в смысле опоры международного терроризма. Но недаром сказано: не плюй в колодец...

Иракский кризис содержит важные уроки и для российской внешней политики. Правильно выступая против поспешного и неоправданного применения силы, Москва слишком увлеклась тактикой дипломатического маневрирования, пытаясь сохранить хорошие отношения со всеми: и с США, и с ведущими странами Западной Европы (Францией и Германией), и с режимом Хусейна (руководствуясь нефтяными и финансовыми интересами). Энергичная тактика заполняла вакуум стратегии и отсутствие четких внешнеполитических приоритетов.

В результате не удалось предотвратить войну и крушение багдадского режима. Не получилось утвердить верховенство Совета Безопасности ООН и примат международного права над правом (американской) силы. Хотя США не поставили ребром и отозвали резолюцию, санкционирующую военную акцию, чтобы не вынуждать Россию вместе с Францией накладывать вето (возможно, по негласной договоренности) – российско-американские отношения были основательно подпорчены всем объективным ходом военных событий.

Задним числом, конечно, всегда легче давать советы. Но в данном случае ход событий давно был вполне предсказуем, и уже давно выдвигались предложения, которые, возможно, повели бы к другим итогам. Уже осенью 2002 г., после известной речи президента Буша, нужно было понять, что режим Хусейна обречен. И прежде всего из-за его издевательств над резолюциями ООН, из-за наглого саботажа инспекционной

деятельности в 90-е годы (и эпатажа после их возобновления в 2002 г.), из-за безответственного блефа вокруг создания ОМУ и баллистических ракет. Какими бы мотивами ни руководствовались в Вашингтоне, вызывающая линия Багдада предопределяла неизбежность устранения режима – вопрос был только в способе и сроке.

В этих условиях единственной альтернативой односторонней военной акции США, окрыленных победой в Афганистане, могла стать только санкционированная СБ ООН операция по расширению инспекций с сильным военным сопровождением, по созданию коалиционной группировки сил в зоне Персидского залива для давления на Хусейна, о которой говорилось выше.

Если бы тогда, осенью 2002 г. Москва сделала для себя окончательный выбор (и если бы миссия Евгения Примакова с предложением об отставке Хусейна состоялась не в начале 2003, а осенью 2002 г.), то Россия могла бы стать инициатором нового курса в отношении Ирака – и весь ход событий был бы иным, как и последствия для интересов РФ. Но Россия никак не могла поставить крест на багдадском режиме и пыталось маневрировать, чтобы усидеть сразу на нескольких стульях – с предсказуемым результатом, когда стулья разъехались с первыми ударами крылатых ракет США.

Но Россия, Франция и Германия до последнего момента настаивали на продолжении «несиловых» инспекций ООН, хотя режим Хусейна вполне к ним приспособился и превратил в предмет нескончаемых политических трюков.

Понятно, что история не знает сослагательного наклонения, но правильно ли выстраивается линия Москвы в отношении ситуации, как она сложилась после войны? Вслед за быстрым разгромом иракской армии Москва стала совершать новые ошибки. После затянувшейся неповоротливости ее позиции до войны, российская дипломатия вдруг начала суетиться: последовали заявления о том, что Россия не заинтересована в военном поражении США, вместе с рядом западноевропейских стран стали требовать передачи послевоенного устройства Ирака под эгиду ООН, по предложению из Вашингтона заявили о возможности списания иракского долга, стали намекать на желательность допуска российских фирм к восстановлению нефтедобычи Ирака.

Что бы ни говорили, главный смысл единодушно принятой (при отсутствии Сирии) резолюции ООН от 22 мая 2003 г. заключается в легитимизации задним числом оккупационного режима США и Великобритании, а значит и самой военной акции в Ираке. Отказав США в санкции на войну в свете неубедительности американских обоснований, ООН *post factum* легализовала эту акцию, хотя после нее несостоятельность предлогов для войны полностью подтвердилась. Вопреки заявлениям российского МИДа, если называть вещи своими именами, не «иракский вопрос вернулся в правовое поле ООН», а ООН усилиями членов ее Совета Безопасности вернулась в поле внешней и военной политики США.

Что касается экономической стороны вопроса, то продление программы «нефть за продовольствие» (в которой подрабатывают российские фирмы), как и туманные обещания зачета иракского внешнего долга за советский в Парижском клубе, а также возможных компенсаций российским кампаниям за потерю контракта на месторождение Курна-2 – вряд ли можно считать серьезным выигрышем российской дипломатии. Если уж на то пошло, то гораздо больше можно было бы получить, заняв с самого начала место в фарватере Вашингтона, как, скажем, это сделала Британия. Тем более, что прежняя принципиальная линия не давать санкции СБ ООН на необоснованную военную акцию теперь обесценена голосованием за резолюцию, оправдавшую эту войну.

Но ни на какие существенные экономические подачки по итогам иракского кризиса рассчитывать не надо, да и не столь важны они для экономики России. Кроме разве что мировых цен на нефть, на которые будет влиять, прежде всего, линия ОПЕК, других экспортеров и глобальная экономическая конъюнктура, а не попытки побыстрее сговориться сейчас с Вашингтоном.

Могут спросить, а что же было делать, махать кулаками после драки и идти сейчас на конфронтацию с США, ветируя новую резолюцию ООН, да еще в одиночку, без Франции и ФРГ? Но во-первых, не нужно было проталкивать вмешательство ООН в послевоенное урегулирование по милости США. Во всяком случае, пока они сами не увязли в иракских и региональных проблемах и не обратились за помощью. Во-вторых, когда США решили поставить в Совбезе вопрос о снятии санкций, нужно было опережающим путем двигать свою резолюцию, включающую весь комплекс важных вопросов: о роли ООН, возвращении инспекторов, формировании новой власти в Ираке и контроле за его нефтеэкспортом. Пусть Вашингтон решал бы дилемму: накладывать вето и обострять противоречия с мировым сообществом и далее – или искать равноправный компромисс.

Среди всех негативных аспектов иракской эпопеи для внешнеполитических интересов России есть лишь два положительных момента из опыта периода до начала войны. Один в том, что Москва впервые за многие годы продемонстрировала, что может проводить самостоятельную линию, не следуя в фарватере США, когда их политика не отвечает интересам международной безопасности, руководствуется сугубо односторонними интересами и идет вразрез с международно-правовыми нормами. Причем, в таких случаях противодействие США не влечет скатывание к конфронтации и холодной войне.

Другой состоит в том, что впервые в новейшей истории в условиях острых противоречий с США Россия выступила в тесном взаимодействии с другими ведущими державами Европы. Это заведомо дезавуировало обвинения в адрес Москвы за рецидив холодной войны из Вашингтона и Брюсселя. А внутри России не позволило националистам и левым вновь разыграть карту «извечного противостояния» Москвы с Западом.

И эти немногие, но важные приобретения нужно сохранить и преумножить, создав конструктивный задел российской внешней политики на длительную перспективу. Необходимо проявлять выдержку и достоинство, не суетиться и не терять приобретенный ресурс в погоне за тактическим прикупом. Иракская сага еще далеко не завершена.

Между крайними точками: возвратом к конфронтации с США и следовании в их фарватере есть широкий диапазон других, достойных и продуктивных курсов политики. Принципиальная позиция по Ираку не исключает, а предполагает продолжение сотрудничества с США в тех областях, где это соответствует интересам России и международной безопасности. Такую линию Москвы сами же США будут больше уважать и учитывать в своих будущих действиях. И на ней же может базироваться дальнейшее сближение России с ее главными соседями в Европе (и Европейским Союзом в целом) не только в экономической и гуманитарно-правовой областях, но и во внешней и военной политике. Именно здесь скрыты огромные резервы взаимодействия и увеличения их совокупного влияния на мировой арене.